

И.А.Шмерлина
**«СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА»:
КОНТУРЫ КОНЦЕПТА**

Ирина Анатольевна Шмерлина — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Для связи с автором: shmerlina@yandex.ru.

Аннотация. Статья развивает тему *политической формы*, обсуждение которой было начато на страницах «Политии» в 2012—2016 гг., и содержит концептуальную проработку более общего понятия «социальная форма». В основе выдвинутой автором модели лежит междисциплинарная концепция социальности, трактующая последнюю как надвидовой феномен. Под социальной формой предложено понимать знаковый комплекс, посредством которого реализуется тот или иной тип взаимодействия. Представляя собой особый класс социальных взаимодействий, социальная форма специфицирует их по таким основаниям, как устойчивость и повторяемость внешней конфигурации взаимодействий; существенность; инвариантность структурных компонентов; целостность. Социальная жизнь организована в двух ключевых типах форм. К первому типу относятся элементарные (этологические) социальные формы, в принципиальном плане общие для человека и других социальных животных; ко второму — институциональные формы, видоспецифичные для человеческих сообществ. В отличие от этологической формы, понимаемой как устойчивый и не зависящий от индивидуальной интерпретации способ социальных взаимодействий, реализуемый в виде системы статусов/ролей, социальный институт есть рефлексивно оформленная система статусов/ролей. Перспективным направлением анализа институциональных феноменов, включая политические институты, является интерпретация их в ракурсе *превращенной формы*. Исследовательский интерес к категории социальной формы обусловлен прежде всего присущей ей причиняющей силой. Будучи семиотическим феноменом, социальная форма строится как тот или иной смысловой комплекс и в качестве такового навязывается субъекту. Причиняющей силой обладают как элементарные, так и институциональные формы, как «простые», так и превращенные.

Ключевые слова: социальная форма, политическая форма, превращенная форма, институт, семиотический феномен, причиняющая сила, социальность, междисциплинарный анализ

Осмысление концепта социальной формы, получив блестящий импульс в работах Георга Зиммеля, в них же практически исчерпалось. Между тем данный концепт был и остается одним из наиболее активно используемых в социально-научном дискурсе. Смысл, который в него вкладывается, выходит за границы общеупотребительной лексики, однако не находит эксплицированного выражения. Для описания этой ситуации можно задействовать метафору «слепого пятна»¹, фиксирующую не только факт «слепоты», то есть неразличения собственного содержания обсуждаемого понятия, но и его принципиальное значение как важнейшей категории, организующей социальное познание (ведь именно благодаря наличию *слепого пятна*, то есть зрительного нерва, возможно само зрение).

¹ Слепое пятно — область на сетчатке глаза в месте выхода зрительного нерва, лишенная световых рецепторов. В социологический аппарат термин введен Никласом Луманом (Луман 2004) в качестве метафоры познавательного средства, не различаемого неререфлексивным сознанием.

² Более полный спектр значений слова «форма» включает в себя:
 1) форма, вид...
 2) лицо, лик, обличье... 3) наружность, внешность...
 4) красота...
 5) изображение, рисунок, фигура...
 6) чертёж... 7) литеры, рисунок буквы... 8) характер, устройство, организация, образ...
 9) набросок, проект... 10) очерк...
 11) явление, видение... 12) форма, чекан... 13) разновидность...
 14) грам. форма слова... 15) обрамление, рама...» (Дворецкий 1976: 435–436).

³ Каспэ 2016: 10.

⁴ Там же: 8–9.

⁵ Там же: 9.

Дополнительная эпистемическая сложность при работе с анализируемым концептом связана с амбивалентностью исходного понятия, в нем использованного, а именно «форма». Лат. *forma* означает «внешний вид»² и в этом плане содержит явное противопоставление «внутреннему». В первом случае предполагается нечто *поверхностное, несущественное, неважное, не имеющее отношение к сути*, во втором, соответственно, нечто *глубинное, существенное, важное, отсылающее к самой сути*.

Данное значение определило обыденное употребление прилагательного «формальный» («*это формальная сторона дела*», то есть несущественная, неважная, которой можно пренебречь) и наречия «формально» («*формально говоря*», i.e. не по существу, для проформы). Хорошие примеры такого рода словоупотребления, со ссылкой на словарь Дмитрия Ушакова, приводит Святослав Каспэ, обозначивший рассматриваемое противоречие как «напряжение между субстанциальным и более обыденным акцидентальным узусами понятия „форма“»³: «„Крестьянская община была на... самом деле удобной формой для прикрытия кулацкого засилья...“ (История ВКП(б))... „Они и теперь еще продолжают протестовать, но делают это вяло, очевидно только ради формы“ (Салтыков-Щедрин). „По форме правильно, а по существу издевательство“ (Ленин)»⁴.

В то же время даже обыденное словоупотребление открывает возможность иного, субстанциально нагруженного понимания формы. Как замечает Каспэ, «все-таки именно форма обрисовывает предмет, отделяет его от окружающего пространства, делает различимым на том или ином фоне... Предмет, следовательно, не просто не различим, но не явлен и даже не существует, пока его не осуществила форма. Действительно, ведь статую от глыбы мрамора отличает форма, а не содержание; именно форма делает предмет самим собой, а значит, никак не может быть сведена к одной лишь видимости. Таким образом, форма как пространственная категория имеет отношение совсем не только к внешним, *формальным* акциденциям предмета, но и к его субстанции»⁵.

Философское толкование *формы* еще более тесно связано с понятиями *содержания* и *материи* и, наряду с последними, относится

к важнейшим, основополагающим философским категориям. Неотделимость формы от содержания подчеркивал Зиммель в своих размышлениях о природе социальной формы: «во всяком наличном социальном явлении содержание и общественная форма образуют цельную реальность»⁶.

⁶ Зиммель 1994.

Содержание феноменологически проявляется только через *форму*, и это требует специальных аналитических усилий для разделения данных категорий. Как отмечается в одной из немногих работ, посвященных формальной (морфологической) проблематике, «морфологические изыскания можно обнаружить в... глубокой древности... При этом морфологическое знание было столь тесно переплетено со своей предметностью, что зачастую оказывалось скрытым, тайным. Эта особенность столь укоренена, что мощно сказывается по сей день»⁷.

⁷ Ильин, Авдонин и Фомин 2017: 11.

Между тем теоретическая установка на неразделимость формы и содержания — в известном смысле тупиковый путь, поскольку очевидно, что в этом случае придется иметь дело с бесконечным разнообразием форм. Именно этой установкой, по-видимому, объясняется неуспех социологии Зиммеля, не оставившего сколько-нибудь внятной систематической классификации форм. Общество растворяется в нескончаемости взаимодействий, и использование понятия «форма» отнюдь не придает ему определенности: «Это единство или обобществление, смотря по роду и узости взаимодействия, может иметь весьма различные степени, начиная от эфемерного соединения для прогулки — до семьи, от всех отношений, расторгаемых, как наем квартиры, до сопринадлежности к одному государству, от мимолетной встречи гостей в отеле до внутренней связанности средневековой гильдии»⁸.

⁸ Зиммель 1994.

Перечисленные парадоксы задают проблемное поле настоящей статьи, цель которой заключается в концептуальной проработке понятия «социальная форма», включая выяснение его онтологического статуса, эпистемических границ и инструментального значения. Предпринятую в ней попытку специфицировать «социальную форму» в ракурсе политического можно рассматривать как теоретическое тестирование указанного концепта. Это тем более уместно, что в последнее время наметился интерес к категории политической формы⁹, что, на наш взгляд, вполне оправданно в силу ее ключевого значения для политического анализа. Уже на дорефлексивном уровне она схватывает важнейшую особенность политических отношений — их очевидную структурированность. Действительно, в отличие от социальных отношений *per se*, многие из которых кажутся прихотливыми констелляциями случайных интеракций, политическое имеет четко выраженную точку кристаллизации — власть, вокруг которой быстро выстраиваются определенные, хорошо очерченные комплексы отношений, воспринимаемые как целостности.

⁹ Каспэ 2012, 2015, 2016; Ильин 2014, 2015; Бляхер 2019.

**Социальная форма
как особый класс
социальных
взаимодействий**

Трактовка социальной формы как особого класса социальных взаимодействий предполагает, что не все социальные взаимодействия укладываются в социальные формы. Субординация понятий, необходимых для построения концептуальной модели социальной формы («социальная форма», «социальное», «семиотическое», «взаимодействие»), отражена на схеме, представленной на *рис. 1*. Данная схема призвана подчеркнуть, что приведенная трактовка «автоматически» специфицирует социальную форму как семиотическую «вещь». Это отвечает семиотической концепции социальности, в рамках которой последняя определяется как совместность, реализуемая семиотическими средствами¹⁰ (что позволяет видеть в ней надвидовой феномен, характерный как для человека, так и non-human animals). Названная концепция акцентирует то обстоятельство, что все социальные взаимодействия происходят с использованием семиотических посредников, начиная с простейших индексов и заканчивая сложнейшими символическими комплексами. Подобная констатация почти тривиальна, однако, как будет показано далее, она открывает путь к довольно нетривиальным построениям.

¹⁰ Шмерлина 2006.

Рисунок 1 Соотношение объема понятий «социальная форма», «социальное», «семиотическое», «взаимодействие»

Социальная форма — это прежде всего знаковый комплекс, посредством которого реализуется тот или иной тип взаимодействия, будь то интимный союз или институт правосудия. Раскрыть этот знаковый комплекс в его качественной определенности, целостности, взаимно-логическом соответствии частей — задача формально-социологического анализа.

Как видно из схемы, понятие «семиотическое» шире, чем «социальное». Действительно, многие виды активности живых существ, имеющие отношение к пищевому и защитному поведению и не являющиеся по своей сути социальными, основаны на использовании семиотических средств. Наибольшим объемом обладает понятие «взаимодействие», предполагающее в том числе непосредственно физические контакты между особями, такие как агрессия, поедание одного существа другим, кормление, спаривание. Подобного рода взаимодействия совершаются напрямую и не требуют знака-посредника.

Будучи особым классом социальных взаимодействий, социальная форма специфицирует их по следующим основаниям:

- устойчивость и повторяемость внешней конфигурации взаимодействий;
- существенность;
- инвариантность как структурный компонент формы;
- целостность.

Устойчивость и повторяемость. Устойчивость и повторяемость некоей конфигурации взаимодействий — первый важный симптом, указывающий на их оформленность или тяготение к ней. Заключение о повторяемости может базироваться на разных основаниях, в зависимости от регистра соответствующих взаимодействий. В ряде случаев она «лежит на поверхности», то есть доступна непосредственному наблюдению. Например, для Альфреда Эспинаса правомочность «животной социологии», изучающей социальные формы живой природы, обусловлена очевидностью существования социальных отношений между животными: «...животные общества представляются нам самыми неоспоримыми реальностями... Они обосновываются для нас обширной совокупностью явлений правильного характера, подтверждаемых всеобщими свидетельствами, допускающих возможность предвидения»¹¹.

¹¹ Эспинас 2012: 281.

В этологии, наследовавшей «животной социологии», вывод об устойчивых, повторяющихся отношениях базируется на скрупулезном изучении этограмм, фиксирующих мельчайшие телодвижения животных.

Устойчивость и повторяемость указывают на наличие типических структур взаимодействия. Сложность в том, что практически все социальные взаимодействия в той или иной степени типизированы: так, простой приветственный жест выполняется привычными способами, понятными всем участникам взаимодействий. Означает ли это, что рукопожатие или сведение большого и указательного пальцев в кольцо (жест «ок») суть социальные формы?

Существенность как атрибут социальной формы. Какие социальные взаимодействия укладываются в понятие социальной формы (то есть допускают соответствующую трактовку), а какие — нет? Принципиальным критерием применимости данной категории служит ресурсный контекст.

Социальная форма организует взаимодействия в важнейших, ресурсно значимых сферах. Она не просто знаковое воплощение взаимодействий, а знаковое воплощение взаимодействий, связанных с позиционным структурированием отношений в подобных сферах. Именно поэтому мы не склонны трактовать в качестве социальной формы ответственный жест, несмотря на то что он есть, безусловно, социальный феномен, и в то же время называем социальной формой брак или иерархические взаимоотношения.

Теоретико-мировоззренческой предпосылкой такой трактовки социальной формы выступает представление об объективности ее оснований. Будучи семиотической сущностью, социальная форма вместе с тем тесно и непосредственно связана с реальностью внешнего мира (теснее и непосредственнее, чем, скажем, художественные семиотические феномены). Иначе говоря, она не возникает из прихотливого воображения социального субъекта, но предопределена объективными условиями его существования.

В этом плане развиваемый здесь подход основан на принципиально иных методологических установках, нежели пользующаяся большой популярностью в социологическом сообществе концепция социального конструирования реальности. В соответствии с логикой этой концепции социальный субъект способен сконструировать все что угодно — например, как утверждается в одном из канонических социологических текстов, внедрить пантеон охотничьих богов в сельскохозяйственную общину¹².

¹² См. Бергер и Лукман 1995.

NB! Впрочем, при внимательном чтении оказывается, что речь в данном случае идет не о конструировании как таковом, а именно о *внедрении* неорганичной для сообщества мировоззренческой системы с использованием репрессивных (в мировоззренческом смысле) средств: «...не существует никакой априорной причины, почему институциональные значения, возникшие в сообществе охотников, не могли бы распространиться в сельскохозяйственном сообществе... Трудности, которые здесь могут возникнуть, связаны с теоретической деятельностью тех, кто занят легитимацией, и практической деятельностью тех, кто руководит „образованием“ в новом сообществе. Теоретики должны удовлетвориться тем, что богиня охоты займет свое место в сельскохозяйственном пантеоне, а педагоги должны объяснить ее мифологическую деятельность детям, никогда не видевшим охоты. Теоретики, занимающиеся легитимацией, стремятся достичь логической связности, а дети стремятся к непокорности. Проблема здесь, однако, не в абстрактной логике или технической функциональности, а скорее в искренности, с одной стороны, и в доверчивости — с другой»¹³.

¹³ Там же: 119.

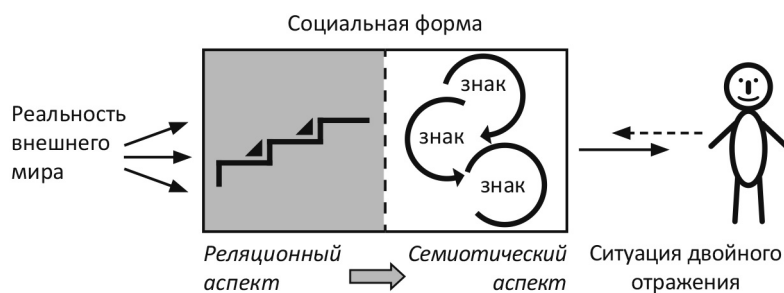
С нашей точки зрения, подобное невозможно. Социальная форма (а религиозные феномены, безусловно, воплощаются в целом ряде

¹⁴ Такая трактовка хорошо коррелирует с двумя принципиальными подходами к интерпретации социальной формы, развиваемыми в организационной социологии. Первый связан с выделением некоего комплекса характеристик/черт организационной формы и отражает структурно-позиционное понимание данного феномена. Второй акцентирует сконструированность организационной формы и требует осмысления тех кодов и смыслов, которые в нее вкладываются (см. Pólos et al, 2002).

социальных форм) — не случайная констелляция знаков, а семиотическая система отношений, «обслуживающих» объективную структурную позиционированность, определенную соответствующими природными, экономическими, антропологическими ресурсами. Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, мы определяем социальную форму не просто как семиотический феномен (хотя именно в этом качестве она проступает на социальной поверхности), но как реляционно-семиотический феномен¹⁴ (см. рис. 2). Своей «реляционной» стороной форма обращена к реальности внешнего мира, «семиотической» — к субъекту. Корректно утверждать, что посредством социальной формы любая социальная особь, включая человека, взаимодействует с социальной внешней средой.

Социальная форма есть, таким образом, семиотический феномен, имеющий реляционный базис. Она носит сложный, композитный характер и подлежит изучению во всем своем объеме. Онтологически социальная форма состоит из знаков и, как любой семиотический феномен, отчасти представляет собой конструкт, i.e. создается субъектом (рефлексивно, подсознательно или инстинктивно) исходя из находящихся в его распоряжении семиотических средств. Это справедливо и применительно к исследователю, для которого «социальная форма» является концептуальным инструментом анализа того или иного комплекса отношений.

Рисунок 2 Эпистемический статус понятия «социальная форма»

В то же время социальная форма — нечто большее, нежели обыденный или теоретический конструкт, поскольку способ любого взаимодействия «предписан» до самого взаимодействия, вытекая из первичных условий — объективного контекста жизнедеятельности и обеспечивающих ее ресурсов.

Все эти обстоятельства зафиксированы на рис. 2, где показано, что:

- а) социальная форма укоренена в объективном контексте взаимодействия, тех ресурсах и требованиях, которые заданы этим контекстом (это отражено во фрагменте «Реальность внешнего мира»);

- б) социальная форма имеет собственное семиотическое содержание, которое навязывается субъекту, канализуя его установки и действия (сплошная стрелка от *Социальной формы* к *Субъекту*). Это центральный момент концепции, к которому мы вернемся в заключительной части статьи, после обсуждения вопроса о регистрах существования социальной формы;
- с) социальная форма есть конструкт, созданный субъектом из тех семиотических средств, которым он располагает (пунктирная стрелка от *Субъекта* к *Социальной форме*).

Очевидно, что между реляционным и семиотическим аспектами формы должно существовать некое соответствие: структурные позиции, уходящие корнями в ресурсный контекст, задают определенное символическое оформление. Особый интерес представляют случаи, когда это соответствие так или иначе нарушается и возникает то, что в биологии именуется тератологическими¹⁵ формами. В качестве таковых могут быть осмыслены социально-политические утопии и тоталитаризм, резкий диссонанс между реляционными и символическими аспектами которых, по-видимому, и составляет тайну соответствующей политической культуры. Как природа отторгает тератологические, нежизнеспособные формы, так и социальная материя не приемлет искусственного, выдуманного, не отвечающего законам ее движения. Некоторое время подобные формы держатся на политической поверхности, однако исключительно за счет крайнего напряжения социальной энергии, будь то энтузиазм основателей или репрессивный контроль тоталитарных систем.

¹⁵ От греч. *τέρας* — урод, уродство, чудовище.

NB! Эту ситуацию хорошо описывает кибернетическая модель действия Толкотта Парсонса, в которой показано соотношение между информационно-ценностным уровнем системы действия и уровнем энергетическим, поддерживаемым физико-органическими и личностными ресурсами¹⁶. Уместно привести также пророческие слова Николая Бердяева: «Возможно даже, что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции... На энтузиазм коммунистической молодежи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа. Если эта религиозная энергия иссякнет, то иссякнет и энтузиазм и появится шкурничество»¹⁷.

¹⁶ Парсонс 1993: 96.

¹⁷ Бердяев 1990: 119—120.

Важнейшим и наиболее интригующим аспектом социальной формы является семиотический. Применительно к политической форме он может трактоваться как прежде всего символический (при этом сфера политического, безусловно, активно использует также иконические знаки, хотя, по-видимому, не знает индексальных). Именно с попытками отразить символическую определенность политической формы связаны немногочисленные исследования в этой области. Так, в трактовке Каспэ политическая форма предстает как *«интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор*

¹⁸ Каспэ 2012: 13. *власти*¹⁸, то есть некий символический комплекс. Важно подчеркнуть, что этот комплекс наделяется не только *дескриптивной*, но также *аскриптивной и прескриптивной* силой¹⁹.

¹⁹ Там же: 12—13.

Семиотическая природа социальной/политической формы предполагает, что она управляется смыслом. Где же располагаются смыслы, задающие в конечном счете движение политической формы? По-видимому, они (а) объективированы и реифицированы в неких «вещах» (таких, как конституции и законы, политические идеалы и святыни, клятвы, присяги, гимны и т.п.); (б) рефлексированы в дискурсе политологов, социально-политических мыслителей, политиков, публичных персон; (в) воплощаются и стихийно модифицируются в обыденном сознании в виде политических убеждений и установок, социально-политических стереотипов, массово разделяемых представлений об устройстве политического мира (и мира вообще), ценностей и верований. Адекватное понимание той или иной политической формы требует не только реконструкции всех этих многослойных смыслов, но и погружения в те рассогласования и противоречия, которые неизбежно возникают *между* слоями.

Признаком/следствием существенности социальных отношений, получивших *оформление*, наряду с отмеченными выше повторяемостью и устойчивостью определенного комплекса взаимодействий, служит возможность выделить в нем инвариантные структурные компоненты.

Инвариантные структурные компоненты. Социальная форма — это устойчивый *семиотически опосредованный* способ взаимодействий особей в *определенных сферах*, *инвариантный* к ситуативному содержанию данных взаимодействий.

Инвариантность — ключевая характеристика социальной формы. В политической сфере, где эта ее особенность проявляется особенно явно, инвариантные комплексы осмыслены как архетипы или латентные тенденции. «В истории... существуют две основные тенденции: аристократическая и демократическая», — отмечал Гаэтано Моска²⁰. Шелдон Уолин выделяет три архетипические формы — монархию, аристократию и демократию²¹. Каспэ полагает, что число композиций «пространственных метафор власти» (которые, по сути, есть политическая форма) ограничено и «они типичны (идеально-типичны)»²². Между этими инвариантно-типическими формами предполагается множество менее «чистых» структур; выделить и понять эти конфигурации в их содержательной логике и естественноисторической необходимости — самостоятельная исследовательская задача, пытаться решить которую в рамках данного текста было бы слишком самонадеянно.

Инвариантность возникает, по-видимому, в силу двух обстоятельств.

Во-первых, она связана с реляционным аспектом социальной формы, отражая объективность и закономерность, до некоторой степени

²⁰ Цит. по: Вятр 1979: 86.

²¹ См. Каспэ 2012: 7.

²² Там же: 13.

даже неизбежность, «предустановленность» определенных конфигураций в той или иной жизненно важной сфере. В любой онтологической сфере существует ограниченное число возможных решений, реализуемых в виде набора инвариантных структур. Эта мысль убедительно проведена, в частности, в работе Юрия Плюснина: «Те взаимодействия, на основе которых устанавливаются инвариантные виды отношений между индивидами, не закодированы в геноме животного, не детерминированы наследственно. Они универсальны в силу своей естественной необходимости как *неизбежный продукт всякого взаимодействия*»²³.

²³ Плюснин 1990: 206.

Во-вторых, инвариантность социальных конфигураций возникает ввиду ограниченности исходных семиотических средств (включая возможные комбинации между ними), с помощью которых происходит конструирование социальной формы. Понятно, что этот вопрос требует детальной спецификации в каждом конкретном случае.

Воплощением инвариантного аспекта социальной формы служит ее структура. Сама трактовка *структуры* отсылает к категории *формы*: «СТРУКТУРА (от лат. structure — строение, расположение, порядок), совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т. о. сохранение осн. свойств при различных внеш. и внутр. изменениях. В более широком, нестрогом смысле понятие С. употреблялось в науч. и филос. обиходе достаточно давно (по крайней мере со ср. веков) и выступало в качестве одного из способов определения понятия формы (форма как С., организация содержания)»²⁴; «СТРУКТУРА... — строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей»²⁵.

²⁴ Философский энциклопедический словарь 1983.

²⁵ Фролов (ред.) 1991: 437—438.

²⁶ См. Archer 1995, 1996.

Не случайно Маргарет Арчер в своей концепции морфогенеза²⁶ и Рой Бхаскар²⁷, на идеи которого она опирается, используют термины «форма» и «структура» как взаимозаменяемые.

²⁷ См. Bhaskar 1979.

Подобный подход отвечает аристотелевской традиции понимания формы как активного начала, организующего косную (*бесформенную*) материю и превращающего ее в сущее. Форма вещи есть ее структура; в этом, собственно, и заключается ее активная, организующая роль по отношению к материи. Осмысленная в этом ракурсе (как сущность вещи) «форма» утвердилась в естествознании, воплотившись в идею инвариантных структур. В филологии проблематика формы породила продуктивное напряжение между толкованием ее как самоценной «оболочки» безотносительно содержания и как структуры, выявляющей саму суть последнего, что нашло отражение в известном противостоянии между русским формализмом и структурализмом соответственно. Как подчеркивал Клод Леви-Стросс, пытаясь сгладить теоретико-мировоззренческие крайности русского литературоведческого формализма, «реальность содержания — в наличии у него структуры, а то, что принято называть формой, есть продукт „структурирования“ локальных структур, из которых состоит содержание»²⁸.

²⁸ Леви-Стросс 1983: 415—416.

²⁹ Радлов 1902: 274.

³⁰ Шкловский 1929: 60. Не разделяя крайностей русского формализма, нельзя тем не менее не признать плодотворность этих максималистских заблуждений, обнаруживших некоторые сущностные черты формы, связанные с ее относительной независимостью от содержания, наличием у нее собственной динамики и причиняющей силы по отношению к содержанию.

³¹ Классический пример — роение пчел.

Форма, таким образом, выступает «внутренним, самым существенным... моментом» содержания²⁹; она представляет содержание в его наиболее важных и закономерных аспектах, отсекая несущественные, и может рассматриваться как его квинтэссенция. Фокусируя внимание на активной природе формы, основоположник русского формализма Виктор Шкловский писал: «Форму... нужно понимать как закон построения предмета»³⁰.

Но если структура как достаточно жесткая упорядоченность связей между элементами объекта, обеспечивающая его самотождественность, и есть форма, нужен ли тогда концепт формы как таковой? Что он привносит?

По нашему мнению, «форма» — в большей степени, нежели структура, — акцентирует моменты качественной определенности и целостности, бытие некоей вещи или феномена в их собственном качестве (ср. «бесформенность», то есть отсутствие качественной определенности). Структуру можно разломать, получив две или более структуры (что, например, происходит при образовании дочернего предприятия или выделении из животного сообщества нового социального образования³¹). Но форму разломать нельзя — подобно хрупкой вазе, она в этом случае прекратит свое существование в качестве формы, превратившись в грудку осколков.

Не случайно этимологические корни слова «форма» отсылают к моментам удержания и образа как целостной перцепции некоей совокупности элементов.

Целостность. В общем виде можно сказать, что форма есть *качественная определенность*, характеризующая тот или иной комплекс элементов/отношений/взаимодействий. Форма фиксирует их в виде некоей целостности, отграничивая качественно определенное бытие феномена от других его состояний. По замечанию Михаила Ильина (высказанному в частной беседе с автором), «форма есть целое, заданное границей». В терминологии Джорджа Спенсера-Брауна, говоря о форме, следует вести речь о различении (форма есть различение).

Здесь уместно вспомнить об отмеченной выше амбивалентности категории «форма», создающей понятийное напряжение и, казалось бы, раскалывающей семантическое пространство, превращая соответствующее понятие в два отдельных слова. Между тем обращение к этимологии слова «форма» позволяет увидеть в этом понятийном напряжении разгадку данного феномена.

³² Ильин 2014: 61.

³³ Цымбурский 2011: 378.

Согласно Ильину, латинское *forma* восходит «к индоевропейскому корню **dher-* со значением „держать“»³². Вадим Цымбурский обнаружил *поразительное соответствие* между лат. *forma* и др.-инд. *dharma*³³. В обоих словах присутствуют две ключевые семантические ноты — *удержания* и *целостного образа*. Первое значение составляет смысловое ядро др.-инд. *dharma*, второе — лат. *forma*. Эти значения сближает идея «„держания — сведения воедино материи, признаков или

элементов“ ... этот базисный смысл „держания“ более чем нагляден в таких конкретных употреблениях слова, как „рама для картины“ ... или „водопровод“» (aquaе forma)³⁴.

³⁴ Там же: 379.

Важно отметить, что др.-инд. dharma и лат. forma — не прямые синонимы, а смежные понятия, оттеняющие смысловые доминанты друг друга. «В латинском поле исключительно сильна семема „зрительного восприятия, созерцания“ внешних образов и конфигураций. В древнеиндийском же преобладает мотив „программности“, „санкционированности“ неких действий, подсказываемых дхармой»³⁵.

³⁵ Там же: 382—383.

Каждая из доминант создает свою цепь смысловых коннотаций, высвечивающих внешнюю сторону формы (лат. forma) и ее законообразующую внутреннюю силу (др.-инд. dharma). Любопытно, что эти коннотации ведут к семантическому сближению данных понятий, что, по-видимому, связано с «гомологией развития»³⁶ некоего общего смыслового ядра, лежащего в их основе. В случае лат. forma семантика целостного образа подводит к платоновским идеям, в которых вполне явственно проступает закон построения вещей; в случае др.-инд. dharma идея удержания выводит на семантику способа совершения некоего действия, то есть той внешней, конкретно-зримой оболочки, в которой оно осуществляется³⁷.

³⁶ Там же: 381.

³⁷ Там же: 379—380.

Тем самым форма как образ, i.e. нечто внешнее, очерчивающее сущность, и форма как закон построения сущности в своей глубинной логике оказываются одним и тем же феноменом, воплощающем парадоксальную природу бытия. «Семантика как латинского, так и древнеиндийского терминов, похоже, опирается на одну и ту же внутреннюю форму, каковой выступает „устойчивая конфигурация элементов, признаков или актов, создающих интегративный образ предмета или явления, обнаруживающих его природу и его назначение“»³⁸.

³⁸ Там же: 381.

Проведенный Цымбурским анализ позволяет увидеть, что проблематизируемое понятийное напряжение между обыденной и философской трактовками *формы* в действительности задает своего рода семантический каркас данного *словопонятия* (термин Цымбурского), придавая ему особую глубину и силу и превращая в незаменимую мировоззренческую категорию с «базисным предназначением „устойчивой конфигурации, согласованного сочетания элементов“»³⁹.

³⁹ Там же: 383.

Как подчеркивает Цымбурский, «в случаях с дхармой и формой мы касаемся терминов, обретших исключительное значение в интеллектуальном аппарате двух великих индоевропейских цивилизаций, поднявшихся в противоположащих концах Евразии»⁴⁰. Может быть, как раз в силу этого исключительного и многослойного значения понятие формы ускользает от строгого определения? «Логично и даже показательно, что жесткой терминологической фиксации одним словом идея формы... так и не получила»⁴¹.

⁴⁰ Там же: 383—384.

⁴¹ Ильин 2015: 92.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что форма, с одной стороны, есть удерживаемое качество предмета/феномена, а с другой — некий образ, целостная перцепция (причем форма как образ задается смыслом, она есть то, что видится или мыслится наблюдателем как

смысловая целостность). В первом случае форма отсылает к закону, во втором — к границе. Соединяя эти значения, можно сказать, что форма изображает, очерчивает, удерживает нечто сущностно важное в феномене. Так, внешний, самый приблизительный, поверхностный абрис предмета схватывает, «удерживает» его важнейшие сущностные черты, вследствие чего мы легко различаем в схематичном рисунке человека, птицы и т.д. именно данные, а не какие-либо другие объекты.

Здесь уместно наметить достаточно сложный гносеологический сюжет, связанный с поиском ответа на вопрос, за счет чего происходит удержание сущностных связей в форме. Есть ли здесь объективный момент или это чисто перцептивный феномен?

Трактовка формы как реляционно-семиотического феномена выводит на ответ: и то и другое. Удержание происходит и за счет позиционных связей, и за счет сложившегося и поддерживающего самое себя всеми релевантными средствами семиотического комплекса. При этом семиотический аспект формы, в том числе формы социальной, открывает дорогу разного рода парадоксам и аномалиям восприятия. Речь идет о случаях, когда в индивидуальном или коллективном сознании удерживаются смещенные смысловые комплексы. Модельными примерами могут служить известные амбивалентные образы «заяц / утка», «ваза / два лица» и т.п. Более сложным примером, имеющим отношение уже к собственно социальной реальности, является тоталитаризм в том или ином его варианте, выступающий в смещенной форме «демократического», всенародно поддерживаемого политического строя. В подобных случаях, по-видимому, уместно обратиться к концепту *превращенной формы*. Однако прежде необходимо оговорить две принципиальные разновидности социальной формы и тот ее тип, который допускает «превращения».

Элементарные и институциональные социальные формы

⁴² См. Шмерлина 2013.

⁴³ Стоит заметить, что в природных взаимодействиях используются и символические средства коммуникации; установление этого факта (см. Фридман 2013), ставшее важным открытием в этологии, еще больше усложнило задачу выявления специфики природной и человеческой социальности.

Социальная жизнь организована в двух основных формах (типах форм). Это (1) элементарные (этологические) социальные формы, в известном смысле общие для человека и других социальных животных⁴², и (2) институциональные формы, видоспецифичные для человеческих сообществ. Такое деление социальных форм на этологические и институциональные в принципиальном плане соответствует демаркации границы между социальностью человека и животных.

Будучи особым случаем социальных взаимодействий, социальная форма, как отмечалось выше, представляет собой семиотическую «вещь», то есть «сделана» из знаков разной природы, в зависимости от регистра своего существования. Если институциональные формы строятся исключительно посредством символических знаков, то формы элементарные в значительной степени опираются на иконические и индексальные средства невербальной семиотики. Как уже говорилось, последние допускают междисциплинарную перспективу анализа⁴³.

Данные, накопленные современной наукой, не оставляют сомнений в том, что животные (причем не только высшие) обладают

развитыми структурами социальных отношений. Природные версии родительской семьи, супружества, дружбы, родственной помощи, взаимовыгодных коалиций, иерархических структур настолько напоминают соответствующие социальные конфигурации человеческого общества, что, кажется, здесь можно вести речь уже не об аналогиях, а о неких базовых формах социальной жизни как таковой. В рамках настоящей статьи описание этих форм было бы излишним, однако важно зафиксировать качественные характеристики, принципиально отличающие их от институциональных.

Оговоримся сразу: при рассмотрении элементарных (контактных) форм, в которых реализуется социальность современного человека, всегда требуется аналитическое усилие для вычленения из комплекса соответствующих социальных взаимодействий институциональной составляющей. Эта составляющая присутствует даже в самых личностных и интимных формах, характеризующих общение матери и ребенка, друзей, любящих партнеров и пр. Тем не менее сделать это усилие необходимо — для того чтобы понять качественные градации социальности человека и выявить принципиальные отличия социальной динамики на разных уровнях социальности.

Как постулировано в начале этого раздела, «материалом» для институциональной формы служит символ, тогда как для элементарных форм, даже в случае социальности человека, он имеет факультативное значение. Важно отметить, что ключевая роль в сфере элементарных (контактных) взаимодействий человека принадлежит не языку как символической системе коммуникации, а речи, точнее — *речевому поведению*, всегда существующему в синкретическом единстве с экстралингвистическими способами взаимодействия. Именно в связи с этим мы специфицируем подобные формы как этологические, подчеркивая тем самым как их поведенческую доминанту, так и заключенные в них вневидовые, инвариантные параметры взаимодействия. Такие формы, как семья, дружба, групповые иерархические взаимодействия и т.п., в своих базовых поведенческих (наблюдаемых и функционально-целевых) основаниях не зависят от уровня психической организации, от того, есть или нет у данного сообщества символический язык и ментальная рефлексия.

Важнейшей особенностью этих форм является отсутствие у них внутренних драйверов развития и, соответственно, собственной динамики. Другими словами, применительно к этим формам проблематично говорить о морфогенезе. Причина кроется в специфике обслуживающих их знаков. Как известно, в иконических и индексальных знаках означающее так или иначе обусловлено означаемым. Эти знаки не обладают свободой символа, что и определяет косность элементарных социальных форм. Используя язык аутопойетической концепции, можно сказать, что элементарный этологический уровень социальных взаимодействий в операциональном отношении не замкнут, не обладает собственной динамикой, а обслуживающие его семиотические средства имеют внешнюю референцию, в каждой операции отсылая к внешней

реальности (реальному поведению). Именно поэтому подобные формы не развиваются. Они заданы изначально — как формы, в которых существует жизнь.

Несвобода элементарных социальных форм особенно ярко проявляется на уровне дочеловеческой социальности. Весьма показательны в этом отношении этологические наблюдения Конрада Лоренца, демонстрирующие жесткость, однозначность связи между знаком и соответствующей поведенческой реакцией. Как свидетельствуют, в частности, эксперименты с глухими индейками, материнский инстинкт у некоторых птиц отнюдь не является целостной формой, но представляет собой совокупность самостоятельных инстинктивных движений, своего рода наложение знакового управления, а не систему: «Глухие индейки совершенно нормально высиживали птенцов, как и до того их социальное и половое поведение вполне отвечало норме. Но когда стали появляться на свет их индюшата — оказалось, что материнское поведение подопытных животных нарушено самым драматичным образом: все глухие индейки заклевывали насмерть всех своих детей, едва они вылуплялись из яиц!.. Только писк индюшонка, и ничто больше, посредством врожденного механизма включает материнское поведение и сдерживает агрессию»⁴⁴.

⁴⁴ Лоренц 1998: 141.

В случае инстинктивного поведения нет взаимодействия между знаком и знаком, которое позволяло бы говорить о наличии *семиотической системы*. Здесь можно наблюдать лишь взаимодействие между знаком и особью, причем каждый знак, который воспринимается наблюдателем как элемент слаженной системы, вызывает свое собственное поведение, порой диаметрально противоположное тому, что требовал предыдущий знак. Такая непосредственная связь между знаком и поведением отвечает семиотической природе индекса, который представляет собой знак *по смежности* с обозначаемым явлением. Как подчеркивал Чарлз Пирс, «индекс физически связан со своим объектом»⁴⁵; «индекс есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует, находясь под реальным влиянием этого Объекта»⁴⁶.

⁴⁵ Пирс 1990: 90.

⁴⁶ Там же: 59.

И индексы, и иконические знаки, организующие поведение животных (а также в значительной мере человека), отсылают к конкретной, прямой, несемиотической реальности. Заметим, что так же иногда ведут себя и символы, но символы, в отличие от индексов, обладают потенциалом внутренней связности — тенденцией к соединению в систему, внутри которой референция происходит не между знаком и предстоящей ему реальностью, а между символом и символом.

Разумеется, и поведение, управляемое индексами/иконами, порой *выглядит* системно, когда знаки, продуцируемые одной особью, вызывают тот или иной ответ со стороны другой. В действительности в такого рода случаях слаженной семиотической игры мы сталкиваемся не с системой, а с *совокупностью* знаков, не предполагающей наличия внутренних содержательно-логических факторов организации. Иллюстрацией подобной ситуации может быть публичное выступление, которое воспринимается слушателями как свободное, разворачивающееся на их

глазах рассуждение, а на деле представляет собой текст, заученный наизусть. Ключевой момент, который высвечивает данная иллюстрация, состоит в том, что совокупность индексов / иконических знаков не может развиваться, будучи лишена внутренней логики «поведения». Она организована не логически, а исторически: ответ одного индекса на другой задан генетически, традицией, привычкой. При этом и единичный индекс / иконический знак, и их совокупность в виде определенной знаковой констелляции отсылают к реальному, «физическому» поведению.

Антропологический этап естественной истории связан с появлением надличностных систем коммуникации. В широком смысле речь, конечно, идет о культуре — в том специфическом модусе ее существования, который был обозначен Карлом Поппером как «третий мир». Формы надличностной коммуникации в значительной степени определяются логикой функционирования культурного (семиотического) объекта и выстраиваются на основе языка как автономной самореференциальной системы, в силу чего обретают собственную динамику. Подобные формы присутствуют и в сфере регулирования социальных отношений. Их социальный статус отражает понятие «институт».

В отличие от этологических форм, универсальных для высокоорганизованных живых существ, институциональные формы, как уже говорилось, видоспецифичны для человека (у животных институтов нет). Если этологическая форма воплощает в себе межличностные взаимодействия, то социальный институт есть надличностная форма взаимодействия. В противовес этологической форме, которую обслуживает речь, он строится средствами языка. Элементарная социальная форма может быть в конечном счете сведена к паттернам взаимодействия, тогда как институт — нет.

Подчеркнем еще раз то, что кажется уже очевидным. В отличие от элементарных (контактных) форм социального взаимодействия, институты самым тесным образом связаны с рефлексией. Речь идет о мыслительных операциях достаточно высокого уровня, сопряженных не просто с отражением, но с выработкой определенных *принципов* поведения в той или иной сфере, то есть с некоторым моделированием социальных отношений. Именно поэтому, например, у животных отсутствует институт денег. Несмотря на существование прямого обмена, в том числе с элементами обмана, у животных нет *идеи посредника*, раскрытие которой приводит к появлению сложной, детально специализированной системы обменных операций, воплотившейся в комплексе соответствующих институтов.

В то время как этологическая форма представляет собой устойчивый и не зависящий от индивидуальной интерпретации способ социальных взаимодействий, реализуемый в виде системы статусов/ролей, социальный институт есть *рефлексивно оформленная* система таковых.

Приведенные соображения корреспондируют с идеями одного из современных российских теоретиков институционализма Георгия Клейнера. Размышляя о механизмах генезиса институтов, Клейнер выделяет протоинституты, понимая под ними *примерно* (но не абсолютно) то же,

что мы понимаем под этологическими формами: «Так же, как и обычные институты, протоинституты представляют собой институционализованные нормы, правила, образцы поведения, однако они воспринимаются и функционируют не столько на сознательном, сколько на индивидуальном бессознательном (в смысле Г.Юнга) уровне, если агент — физическое лицо, и — в каком-то смысле — на коллективном бессознательном уровне, если агент представлен коллективом (предприятие, организация)... По местоположению в социально-индивидуальной структуре протоинституты относятся к процессам, связанным с удовлетворением основных потребностей индивида, включая „витальные“ (потребности в пище, питье, сне, защите и обороне), ролевые (основанные на отношениях родственников, половых партнеров, служебной и иной иерархии и других, потребности в справедливой оценке) и потребности саморазвития (включая... исследовательские интересы, имитационно-игровые действия и т.п.)»⁴⁷.

⁴⁷ Клейнер 2004: 191—192.

Клейнер (справедливо) полагает, что число таких «протоинститутов» (мы бы сказали — этологических форм) ограничено: «К числу основных архетипических базовых социально-экономических протоинститутов относятся: институты семьи и родственных отношений; институты дружбы; институты доверия и договоренностей... институты поведенческих ритуалов... институты иерархического подчинения»⁴⁸. С его точки зрения, из подобных протоинститутов и вырастают институты. Этот тезис мы считаем ошибочным, но сама логика анализа, близкая к развиваемой в настоящей работе, кажется нам симптоматичной, свидетельствующей о ненадуманности наших поисков. Не случайно в одной из рецензий на книгу Клейнера идея протоинститутов критикуется в том числе по причине близости этих образований этологическим поведенческим структурам⁴⁹.

⁴⁸ Там же: 192—193.

⁴⁹ Латов 2005: 157.

Именно здесь, в сфере институциональных социальных форм, корректно ставить вопрос о превращенной форме.

Превращенные социальные формы

Категория превращенной формы не имеет прочного статуса в аппарате социальных наук. Предложенная Карлом Марксом, в отечественном обществоведении она исследовалась крайне мало⁵⁰. В экономическом ракурсе ее рассматривал Марк Лангштейн⁵¹, в философском — Мераб Мамардашвили⁵², связывавший с понятием превращенной формы само развитие гуманитарного знания. Ни один из названных теоретиков не оставил целостной концепции превращенной формы, хотя высказанные ими на этот счет идеи чрезвычайно эвристичны.

⁵⁰ По запросу «превращенная форма» от 25 января 2018 г. библиотека диссертаций Dissertat выдала только четыре работы социально-научной направленности.

⁵¹ Лангштейн 1969, 1990.

⁵² Мамардашвили 1970, 1990.

⁵³ Мамардашвили 1970: 386.

В общем виде можно сказать, что превращенная форма есть продукт переработки исходного содержания взаимодействия, в результате которой создаются новые связи и причинные зависимости. В итоге превращенная форма обретает собственную динамику, не связанную с факторами, исходно определявшими развитие феномена: «На уровне превращенной формы завязываются уже новые отношения, конечным пунктом отсылки которых являются она сама и ее неделимо-цельные явления»⁵³.

При этом, как подчеркивал Лангштейн, при анализе превращенной формы непродуктивно использовать оценочное понятие искажения. Превращенная форма — это не искаженная, не «испорченная», а *другая* форма, возникшая в результате модификаций первоначальной: «Термин „превращенный“ часто воспринимают как синоним термина „искаженный“... Конечно, превращений исходной формы не бывает без искажений, но суть ведь не в искажениях. Превращенный — это принявший иной вид, перешедший в другое состояние, ставший чем-нибудь другим»⁵⁴.

⁵⁴ Лангштейн 1990.

Очевидно, что было бы неправильно трактовать превращенную форму как иллюзию сознания — она *реально* существует, но в ином качестве и в ином модусе, нежели исходный объект. «Спецификой превращенной формы является действительно (а не в сознании наблюдателя) существующее извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо. Но сама эта косвенная фигурация, не являясь просто частью субъективного мира... выступает... как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет»⁵⁵.

⁵⁵ Мамардашвили 1990: 247—248.

«Тайна» превращенной формы связана с ее непроницаемостью, недоступностью восприятию, не вооруженному специальными инструментами реконструкции данного феномена. «Субъект видит его как внеположенную данность бытия... индуцируется зона принципиального непонимания, „мертвое пространство“, непроницаемое для луча сознания»⁵⁶.

⁵⁶ Там же: 248.

Резюмируя представления Мамардашвили, можно сказать, что превращенная форма — это форма взаимодействия⁵⁷, которая направляется скрытой (по крайней мере, до поры до времени) от человека, не понятой им логикой движения смыслов. Речь идет, по-видимому, о таких случаях, когда эта логика превосходит понимание человека и, следовательно, его возможность управлять соответствующим комплексом отношений. Классический пример — институты денег, в частности биржа как крайнее выражение иррациональности (иными словами, «превращенности») последних. Политическая история избилует превращенными формами. Так, тоталитаризм правомерно помыслить как превращенную форму «демократического участия», сопровождающегося патологической регламентацией общественной жизни. Другой иллюстрацией политической превращенной формы может служить античная демократия. Если в тоталитаризме допустимо видеть патологию, то античная демократия — скорее парадокс. Будучи превращенной формой родоплеменных (в своих истоках) отношений⁵⁸, она защищает в первую очередь интересы не личности, а коллективного целого и тем самым содержит в себе встроенные элементы автократической политической культуры. Как логический тип античная демократия принципиально противостоит демократии буржуазной, базирующейся на авторитете не рода, а права.

⁵⁷ Заметим, что Мамардашвили не останавливался специально на реконструкции самого понятия «форма».

⁵⁸ О том, что античная демократия выросла из родоплеменных отношений, писали многие исследователи. Опуская обширную литературу по этому вопросу, приведем лишь один исторический факт: «Солон сформулировал редкий в мировой истории закон, по которому объявлялся бесчестным и лишенным прав гражданственности тот, кто во время народного восстания не стоял ни на какой стороне» (Батенин 1979: 139).

Субстратом превращенной формы, в том числе социальной, является *знак*, который заменил собой непосредственные отношения людей. Как следует из сказанного выше, этологическая форма не допускает

никаких «превращений», поскольку лишена внутренних рекурсивных взаимодействий, в каждой своей «операции» отсылая к *непосредственности* человеческих взаимодействий. Институт, в отличие от этологической формы, есть система опосредующих взаимодействий, и именно благодаря этому он может обретать статус превращенной формы.

Институт относится к социальной эмпирии, как денежная форма — к товарной. Эта аналогия кажется нам продуктивной, по крайней мере на предварительных этапах анализа института как превращенной формы. Точно так же, как в политэкономическом превращении, в социальном институте непосредственные, видимые социальные отношения получают *превращенное* выражение, и в этой превращенной субстанции возникают свои связи и своя динамика развития. Как справедливо заметил Вадим Розин, «в институтах человек встречается сам с собой, со своими замыслами и идеями, но такими, которые выступают в форме отчужденной⁵⁹ институциональной реальности»⁶⁰.

Те различимые на социальной поверхности связи и отношения, которые составляют проблематику институционального, порождая непростые вопросы о природе институционального принуждения, о роли личности в функционировании институтов, о механизмах сохранения, развития и исчезновения последних, часто бывает непродуктивно рассматривать в их непосредственной видимости и кажимости. Категория превращенной формы помогает понять институциональную структуру, образующие ее связи и правила, продуцирующие преобразования — как желательные, так и нежелательные, включая «непредсказуемые последствия действий», в их собственной институциональной логике, экспликация которой требует отдельного анализа.

Важная особенность превращенной (как и любой другой) социальной формы — присущая ей причиняющая сила. «Именно превращенные формы действительных отношений являются содержанием мотивов, побуждений к действию непосредственных агентов общественных отношений»⁶¹.

Будучи семиотическим феноменом, социальная форма строится как некий смысловой комплекс и в качестве такового навязывает себя субъекту. Семиотическая трактовка социальной формы связана с предположением, что «вещи» (идеи, концепты, знаковые комплексы) имеют собственную логику и эта логика до известных пределов определяет поведение социального субъекта. Причиняющей силой обладают как элементарные, так и институциональные формы, как «простые», так и превращенные. Безусловно, ею обладают и политические формы, и это обстоятельство фиксируется во многих определениях данного феномена. Так, Уолин подчеркивает, что «форма — идея не абстрактная, она символизирует особый, навязывающий себя образ жизни»⁶². Каспэ, наделяя метафорические комплексы политических форм аскриптивной и прескриптивной функциями, фактически указывает на особого рода

⁵⁹ *Отечественное обществоведение традиционно предпочитает понятие «отчуждение» концепту превращенной формы, в то время как сам Маркс рассматривал их как рядоположенные (см. Маркс 1980: 148).*

⁶⁰ *Розин 2014: 12.*

⁶¹ *Мамардашвили 1990: 260.*

⁶² *Цит. по: Каспэ 2012: 7.*

Причиняющая сила социальной формы

⁶³ Как тонко заметил Виктор Вахштайн, «есть метафоры, которые „существуют“ куда больше некоторых людей и вещей» (Вахштайн 2015: 12).

⁶⁴ Каспэ 2012: 12.

субъектность этих комплексов⁶³, предписывающих акторам тот или иной образ действий⁶⁴.

Подобная трактовка отнюдь не делает из человека марионетку — ведь он обладает определенной свободой воли и при выборе тех социальных форм, в которые включается, и при интерпретации смысла этих форм. Но как бы то ни было, вступив в пространство конкретной формы, человек, осознанно или нет, вынужден играть по ее правилам — правилам ухаживания, семьи, дружбы, гражданского участия, профессиональной позиции и т.д. При этом если на уровне элементарной формы давление с ее стороны и субъективные мотивации можно более или менее отчетливо разделить, то в случае институциональной формы все значительно сложнее. На этом уровне, где материалом для социальной формы служат символы, морфогенез приобретает собственную динамику, и причиняющая сила таких форм с точки зрения субъективной мотивации становится порой необъяснимой.

Наличием у социальной формы причиняющей силы и объясняется исследовательский интерес к данной проблематике. Возможно, именно по этой причине формально-социологическое направление не уходит из истории социально-научной мысли, несмотря на его, казалось бы, вымороженность.

Социология, в нашем представлении, — это наука преимущественно о социальных формах как о реляционно-семиотическом феномене (соответственно, политическая социология — это наука преимущественно о политических формах). В качестве таковой она призвана постигать социальную форму в ее закономерности и семиотической уникальности/прихотливости. Подобно тому, как форма не есть простая внешняя оболочка содержания, социальная форма не есть случайная и несущественная внешняя конфигурация взаимодействий. Подобно тому, как форма есть квинтэссенция содержания, социальная форма есть структурный компонент взаимодействий индивидов, отражающий саму суть этих взаимодействий.

Анализ социальных феноменов в ракурсе социальной формы предполагает погружение в неявные и неочевидные смысловые закономерности, управляющие движением социальной материи, ориентируя на выявление стабильных, инвариантных и, предположительно, неслучайно образующихся комплексов социальных взаимодействий. Осмысление этих комплексов как социальной формы означает принятие принципиально внесубъектного подхода к изучению социальных явлений. Данная методологическая позиция не бесспорна, однако именно она, на наш взгляд, определяет целесообразность разработки понятия «социальная форма» как одного из важнейших инструментов концептуально-категориального аппарата социологии и политической науки.

Библиография

- Батенин С.С. (1976) *Человек в его истории*. Л.: ЛГУ.
- Бергер П. и Т.Лукман. (1995) *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
- Бердяев Н.А. (1990) *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука.
- Бляхер Л.Е. (2019) «Политическая форма России и социально-политические структуры Северной Евразии» // *Полития*, № 1: 114—148. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1\(92\)-114-148.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1(92)-114-148.pdf) (проверено 12.05.2019).
- Вахштайн В.С. (2015) «„Поворот к материальному“: тридцать лет спустя» // *Социология власти*, т. 27, № 1: 9—16.
- Вятр Е. (1979) *Социология политических отношений*. М.: Прогресс.
- Дворецкий И.Х. (1976) *Латинско-русский словарь*. М.: Русский язык.
- Зиммель Г. (1994) «Проблема социологии» // *Тексты по истории социологии XIX—XX вв.: Хрестоматия*. М.: Наука. URL: <http://socioline.ru/pages/teksty-po-istorii-sotsiologii-xix-xx-vv-hrestomatiya> (проверено 10.05.2019).
- Ильин М.В. (2014) «Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I)» // *Полития*, № 4: 58—70. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2014-4\(75\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2014-4(75).pdf) (проверено 12.05.2019).
- Ильин М.В. (2015) «Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II)» // *Полития*, № 1: 82—102. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2015-1\(76\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2015-1(76).pdf) (проверено 12.05.2019).
- Ильин М.В., В.С.Авдонин и И.В.Фомин. (2017) «Методологический вызов. Где границы применимости методов? Каковы критерии их эффективности?» // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 7: Трансдисциплинарные методы в обществознании*. М.: ИНИОН РАН: 5—24. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/215165863> (проверено 12.05.2019).
- Каспэ С.И. (2012) «О понятии политической формы» // *Полития*. № 4: 5—28. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kaspe-2012-4.pdf (проверено 12.05.2019).
- Каспэ С.И. (2015) «Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину)» // *Полития*, № 2: 54—65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2\(77\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2(77).pdf) (проверено 12.05.2019).
- Каспэ С. (2016) *Политическая форма и политическое зло*. М.: Школа гражданского просвещения. URL: http://www.civiceducation.ru/files/2016/12/Wer_Kaspe2NP_TIP.pdf (проверено 30.04.2019).
- Клейнер Г.Б. (2004) *Эволюция институциональных систем*. М.: Наука.
- Лангштейн М.С. (1969) «Иррациональные и превращенные формы экономических отношений» // *Экономические науки*, № 3: 16—

22. URL: <http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/> (проверено 05.05.2019).

Лангштейн М.С. (1990) «Превращенные формы в политической экономии: вопросы методологии» // *Экономика Советской Украины*, № 10: 39—46. URL: <http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/> (проверено 05.05.2019).

Латов Ю.В. (2005) «Опыт чистой институциональной теории (Рецензия на книгу: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004)» // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 3, № 3: 154—157.

Леви-Стросс К. (1983) «Структура и форма (Размышления об одной работе Владимира Проппа)» // Степанова Ю.С., ред. *Семиотика*. М.: Радуга: 400—428.

Лоренц К. (1998) «Так называемое зло: К естественной истории агрессии» // Лоренц К. *Оборотная сторона зеркала*. М.: Республика: 61—242.

Луман Н. (2004) *Общество как социальная система*. М.: Логос.

Мамардашвили М. (1970) «Форма превращенная» // Константинов Ф.В., ред. *Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5*. М.: Советская энциклопедия: 386—389.

Мамардашвили М. (1990) «Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений)» // Мамардашвили М. *Как я понимаю философию*. М.: Прогресс: 245—262. URL: <http://sokratlib.ru/books/item/f00/s00/z0000020/st023.shtml> (проверено 11.05.2019).

Маркс К. (1980) «Экономическая рукопись 1861—1863 годов» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 48. М.: Изд-во политической литературы: 3—548.

Парсонс Т. (1993) «Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения» // *Thesis*, № 2: 94—122. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf (проверено 11.05.2019).

Пирс Ч.С. (2000) *Логические основания теории знаков*. СПб.: Алетейя.

Плюснин Ю.М. (1990) *Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ*. Новосибирск: Наука.

Радлов Э.Л. (1902) «Форма» // *Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона*. Т. 36. СПб.: Брокгауз-Ефрон: 273—274.

Розин В.М. (2014) *Становление и особенности социальных институтов: Культурно-исторический и методологический анализ*. М.: Либроком.

Философский энциклопедический словарь. (1983) М.: Советская энциклопедия. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/516/struktura.htm>; (проверено 20.12.2018).

Фридман В.С. (2013) *От стимула к символу: Сигналы в коммуникации позвоночных*. М.: Либроком.

Фролов И.Т., ред. (1991) *Философский словарь*. М.: Политиздат.

Цымбурский В.Л. (2011) «Из „Латинского трилистника“» // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*.

Вып. 2: *Альтернативные парадигмы мирового развития*. М.: ИНИОН РАН: 368—389. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/2836/metod-2011-vypusk-2.pdf> (проверено 11.05.2019).

Шкловский В. (1929) «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» // Шкловский В. *О теории прозы*. М.: Федерация: 24—67.

Шмерлина И.А. (2006) «Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы» // *Социологический журнал*, № 3/4: 25—45. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/916/submission/original/916-1695-1-SM.pdf> (проверено 11.05.2019).

Шмерлина И.А. (2009) «Социальность и проблема смысла: к разработке междисциплинарного понятия» // *Эпистемология и философия науки*, т. XXI, № 3: 137—151.

Шмерлина И.А. (2013) *Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека*. М.: Либроком.

Эспинас А.В. (2012) *Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии*. М.: Либроком.

Archer M.S. (1995) *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

Archer M.S. (1996) *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.

Bhaskar R. (1979) *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. Brighton: Harvest Press.

Pólos L., M.T.Hannan, and G.R.Carroll. (2002) «Foundations of a Theory of Social Forms» // *Industrial and Corporate Change*, vol. 11, no. 1: 85—115.

политея

I.A.Shmerlina

“SOCIAL FORM”: CONTOURS OF CONCEPT

Irina A. Shmerlina — Ph.D. in Philosophy; Senior Researcher at the Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Email: shmerlina@yandex.ru.

Abstract. The article develops the theme of the *political form*, the discussion of which started on the pages of the Journal of *Politeia* in 2012—2016, and contains a conceptual elaboration of a more general concept of the *social form*. The author builds her model around the interdisciplinary concept of sociality, which treats the latter as a supraspecific phenomenon. In general terms, social form is defined as a sign complex, through which this or that type of interaction is realized. Social form represents a special class of social interactions and specifies them on such grounds as stability and repeatability of

the external configuration of interactions; materiality; invariance of structural components; integrity. Social life is organized along two key types of forms. The first type includes elementary (ethological) social forms that are in principle common for a human being and other social animals. The second type includes institutional forms that are specific for human communities. In contrast to an ethological form, which is regarded as a stable way of social interactions independent of individual interpretation that are realised as a system of statuses / roles, a social institution is a system of statuses / roles that has a reflexive form. A promising area of the analysis of institutional phenomena, including political institutions, is their interpretation from the perspective of a *converted form*. Scientific researchers are interested in the category of social form largely due to its inherent causative force. Being a semiotic phenomenon, social form is built as one or another semantic complex and thereby is imposed upon the subject. Both elementary and institutional forms, “simple” as well as converted, possess a causative force.

Keywords: social form, political form, converted form, institution, semiotic phenomenon, causative force, sociality, interdisciplinary analysis

References

- Archer M.S. (1995) *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Archer M.S. (1996) *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Batenin S.S. (1976) *Chelovek v ego istorii* [The Man in His History]. Leningrad: LGU. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Berger P.L. and T.Luckmann. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Bhaskar R. (1979) *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. Brighton: Harvest Press.
- Bliakher L.E. (2019) “Politicheskaya forma Rossii i sotsial'no-politicheskie struktury Severnoj Evrazii” [Political Form of Russia and Socio-Political Structures of North Eurasia] // *Politeia*, no. 1: 114–148. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1\(92\)-114-148.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1(92)-114-148.pdf) (accessed 12.05.2019). (In Russ.)
- Dvoretzky I.H. (1976) *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)
- Espinas A.V. (2012) *Sotsial'naya zhizn' zhivotnykh: Opyt sravnitel'noj psikhologii* [Des sociétés animales: étude de psychologie comparée]. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'*. (1983) [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/516/struktura.htm> (accessed 20.12.2018). (In Russ.)

Fridman V.S. (2013) *Ot stimula k simvolu: Signaly v kommunikatsii pozvonochnykh* [From Stimulus to Symbol: The Signals in Vertebrate Communication]. Moscow: Librokom. (In Russ.)

Frolov I.T., ed. (1991) *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Ilyin M.V. (2014) "Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (I)" [Alternative Political Forms in Historical Times and Civilizational Spaces (I)] // *Politeia*, no. 4: 58–70. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2014-4\(75\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2014-4(75).pdf) (accessed 12.05.2019). (In Russ.)

Ilyin M.V. (2015) "Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (II)" [Alternative Political Forms in Historical Times and Civilizational Spaces (I)] // *Politeia*, no. 1: 82–102. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2015-1\(76\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2015-1(76).pdf) (accessed 12.05.2019). (In Russ.)

Ilyin M.V., V.S.Avdonin, and I.V.Fomin. (2017) "Metodologicheskij vyzov. Gde granitsy primenimosti metodov? Kakovy kriterii ikh effektivnosti?" [Methodological Challenge. What Are Restraints for Method Application? What Are the Criteria of Its Success?] // *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vyp. 7: Transdistsiplinarnye metody v obshchestvoznanii* [METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies. Issue 7: Transdisciplinary Methods in Social Science]. Moscow: INION RAN: 5–24. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/215165863> (accessed 12.05.2019). (In Russ.)

Kaspe S.I. (2012) "O ponjatii politicheskoy formy" [On Notion of Political Form] // *Politeia*, no. 4: 5–28. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kaspe-2012-4.pdf (accessed 12.05.2019). (In Russ.)

Kaspe S.I. (2015) "Eshche o ponjatii politicheskoy formy: forma i sub" - ekt (Otvét Mikhailu Il'ínu)" [More on the Notion of Political Form: Form and Subject (Reply to Mikhail Ilyin)] // *Politeia*, no. 2: 54–65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2\(77\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2(77).pdf) (accessed 12.05.2019). (In Russ.)

Kaspe S.I. (2016) *Politicheskaja forma i politicheskoe zlo* [Political Form and Political Evil]. Moscow: Shkola grazhdanskogo prosveshchenija. URL: http://www.civiceducation.ru/files/2016/12/Wer_Kaspe2NP_TIP.pdf (accessed 30.04.2019). (In Russ.)

Klejner G.B. (2004) *Evoljutsija institucional'nykh sistem* [The Evolution of Institutional Systems]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Langshtein M.S. (1969) "Irratsional'nye i prevrashchennye formy ekonomicheskikh otnoshenij" [Irrational and Transformed Forms of Economic Relations] // *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], no. 3: 16–22. URL: <http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/> (accessed 05.05.2019). (In Russ.)

Langshtein M.S. (1990) "Prevrashchennye formy v politicheskoy ekonomii: voprosy metodologii" [Transformed Forms in Political Economy: Questions of Methodology] // *Ekonomika Sovetskoy Ukrainy* [Economy of Soviet Ukraine],

no. 10: 39—46. URL: <http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/> (accessed 05.05.2019). (In Russ.)

Latov Yu.V. (2005) “Opyt chistoj institutsional’noj teorii (Retsenzija na knigu: Kleiner G.B. Evoljutsija institutsional’nykh sistem. M.: Nauka, 2004)” [The Experience of Pure Institutional Theory (Review on: Kleiner G.B. The Evolution of Institutional Systems. Moscow: Nauka, 2004)] // *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of the Rostov State University], vol. 3, no. 3: 154—157. (In Russ.)

Lévi-Strauss C. (1983) “Struktura i forma (Razmyshlenija ob odnoj rabote Vladimira Proppa)” [La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp] // Stepanova Yu.S., ed. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga: 400—428. (In Russ.)

Lorenz K. (1998) “Tak nazyvaemoe zlo: K estestvennoj istorii agressii” [Das sogenannte Böse] // Lorenz K. *Oborotnaja storona zerkala* [Die Rückseite des Spiegels]. Moscow: Respublika: 61—242. (In Russ.)

Luhmann N. (2004) *Obshchestvo kak sotsial’naja sistema* [Die Gesellschaft der Gesellschaft]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Mamardashvili M. (1970) “Forma prevrashchennaja” [The Transformed Form] // Konstantinov F.V., ed. *Filosofskaja entsiklopedija*: V 5 t. [Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija: 386—389. (In Russ.)

Mamardashvili M. (1990) “Prevrashchennye formy (O neobkhodimosti irratsional’nykh vyrazhenij)” [The Transformed Forms (On the Necessity of Irrational Notions)] // Mamardashvili M. *Kak ja ponimaju filosofiju* [My Vision on Philosophy]. Moscow: Progress: 245—262. URL: <http://sokratlib.ru/books/item/f00/s00/z0000020/st023.shtml> (accessed 11.05.2019). (In Russ.)

Marx K. (1980) “Ekonomicheskaja rukopis’ 1861—1863 godov” [The Economic Manuscript of 1861—1863] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 48. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury: 3—548. (In Russ.)

Parsons T. (1993) “Ponjatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnoshenija” [The Concept of Society: The Components and Their Interrelations] // *Thesis*, no. 2: 94—122. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf (accessed 11.05.2019). (In Russ.)

Peirce Ch.S. (2000) *Logicheskie osnovanija teorii znakov* [The Logical Foundations of the Theory of Signs]. St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Plyusnin Yu.M. (1990) *Problema biosotsial’noj evoljutsii: Teoretiko-metodologicheskij analiz* [The Problem of Biosocial Evolution: Theoretical and Methodological Analysis]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Pólos L., M.T.Hannan, and G.R.Carroll. (2002) “Foundations of a Theory of Social Forms” // *Industrial and Corporate Change*, vol. 11, no. 1: 85—115.

Radlov E.L. (1902) “Forma” [The Form] // *Entsiklopedicheskij slovar’ F.A.Brokgauza i I.A.Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 36. St Petersburg: Brockhaus-Efron: 273—274. (In Russ.)

Rozin V.M. (2014) *Stanovlenie i osobennosti sotsial’nykh institutov: Kul’turno-istoricheskij i metodologicheskij analiz* [The Formation and

Specifics of Social Institutions: Cultural-Historical and Methodological Analysis]. Moscow: Librokom. (In Russ.)

Shklovsky V. (1929) “Svjaz’ priemov sjuzhetoslozhenija s obshchimi priemami stilja” [The Relationship of the Techniques of Plot Construction with the General Techniques of the Style] // Shklovsky V. *O teorii prozy* [On Theory of Prose]. Moscow: Federatsija: 24–67. (In Russ.)

Shmerlina I.A. (2006) “Semioticheskaja kontseptsija sotsial’nosti: postanovka problemy” [The Semiotic Theory of Sociality: the Problem Statement] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 3/4: 25–45. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/916/submission/original/916-1695-1-SM.pdf> (accessed 11.05.2019). (In Russ.)

Shmerlina I.A. (2009) “Sotsial’nost’ i problema smysla: k vyrabotke mezhdistsiplinarnogo ponjatija [Sociality and the Problem of Meaning: towards Elaboration of Interdisciplinary Concept] // *Epistemologija i filosofija nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], Vol. XXI, no. 3: 137–151. (In Russ.)

Shmerlina I.A. (2013) *Biologicheskie grani sotsial’nosti: Oчерki o prirodnykh predposylkakh sotsial’nogo povedenija cheloveka* [Biological Aspects of Sociality: Essays on Natural Premises of Human Social Behavior]. Moscow: Librokom. (In Russ.)

Simmel G. (1994) “Problema sotsiologii” [The Problem of Sociology] // *Teksty po istorii sotsiologii 19–20 vv.: Khrestomatija* [Texts on the History of Sociology of the 19th–20th Centuries: An Anthology]. Moscow: Nauka. URL: <http://socioline.ru/pages/teksty-po-istorii-sotsiologii-xix-xx-vv-hrestomatiya> (accessed 10.05.2019). (In Russ.)

Tzymbursky V.L. (2011) “Iz „Latinskogo trilstnika“” [From “The Latin Trefoil”] // *METHOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvenno-naukovykh distsiplin. Vyp. 2: Al’ternativnye paradigmy mirovogo razvitiya* [METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies. Issue 2: Alternative Paradigms of World Development]. Moscow: INION RAN: 368–389. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/2836/metod-2011-vypusk-2.pdf> (accessed 11.05.2019). (In Russ.)

Vakhshayn V.S. (2015) “„Povorot k material’nomu“: tridtsat’ let spustja” [“Turn to Material”: Thirty Years Later] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], vol. 27, no. 1: 9–16. (In Russ.)

Wiatr Ie. (1979) *Sotsiologija politicheskikh otnoshenij* [Sociology of Political Relations]. Moscow: Progress. (In Russ.)